

DOI 10.5862/JHSS.227.7

УДК 32.019.5

С.С. Гулякин

ПОЛИТИКА ШВЕЦИИ В 50-Х ГОДАХ XX ВЕКА

В статье дана характеристика социально-политических преобразований в Швеции в 50-х годах XX века. Шведская модель рассмотрена с точки зрения функционирования трудовых отношений (Saltsjöbadsandan), политической системы, в которой все заинтересованные группы играют важную роль (Harpundsdemokrati), и государства всеобщего благосостояния (Folkhemmet). Особое внимание уделено деятельности в это десятилетие выдающегося политика, премьер-министра Швеции Таге Эрландера, дана оценка работе Улофа Пальме в качестве его референта.

ШВЕДСКАЯ МОДЕЛЬ; СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ; БУРЖУАЗИЯ; ПЛАНОВАЯ ЭКОНОМИКА; ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ; РЕФОРМЫ; ТАГЕ ЭРЛАНДЕР; УЛОФ ПАЛЬМЕ.

50-е годы XX века – это послевоенные годы, за которые выросло новое поколение. Спустя всего лишь десятилетие после окончания Второй мировой войны в большинстве стран мира наблюдался беспрецедентный экономический рост. Этот период вошел в экономическую историю как «золотые годы» или «Славное Тридцатилетие» – «фордизм» (создателем данной теории считается Г. Форд, один из основателей американского автомобилестроения).

Произошли изменения и на национальном уровне восприятия государства. Стало принято считать, что государство может играть более активную роль в предотвращении слишком резких сдвигов в экономике.

Теория Дж. Кейнса также «сыграла важную роль в трансформации капиталистической экономической системы, в формировании в странах современной смешанной экономики, в которой государственное регулирование могло эффективно взаимодействовать с механизмами рынка» [1, с. 366].

В то же время государство должно было взять на себя большую роль в формировании инфраструктуры, чего требовала индустрия того времени. Это строительство дорог и жилищ для рабочих, организация медицинской помощи и ухода за детьми и престарелыми, создание сети образовательных учреждений и т.д. Всё это могло быть обеспечено путем быстрого роста

государственного сектора, финансируемого за счет повышения налогов.

Возникновение послевоенного шведского государства всеобщего благосостояния, в основе которого лежало усиление государственного вмешательства в экономическую политику страны, было связано не только со шведской социал-демократией, но и с немецкой христианской демократией, английскими тори, японскими либерал-демократами и, частично, с американскими демократами.

Дух холодной войны, который доминировал с конца 1940-х годов, обуславливал участие открытого шведского общества в западной демократии и рыночной экономике и в то же время отказ от коммунизма и других форм сильного радикализма. Так, например, главный редактор «Dagens Nyheter» Г. Тигстен утверждал, что консерватизм, либерализм, социализм уже не актуальны, что существует консенсус по основным политическим вопросам в различных границах политических партий. Это касается понимания демократии, нации и вооруженных сил, национализации и социальной политики, церкви, религии, а также областей, где возможно объединение государственного вмешательства и индивидуальной свободы.

Следует напомнить, что во время Второй мировой войны в нейтральной Швеции сильнее всего пострадали самые обездоленные. В стране нарастало социальное недовольство.

Именно поэтому в первые послевоенные годы в Швеции нарастало и коммунистическое влияние. Забастовки на заводах металлообработки в 1945 году, организованные левыми, парализовали большую часть экспортной индустрии страны в тот момент, когда считалось, что индустрия развивается.

Для социал-демократов настало время переосмысления, ведь, согласно программе 1944 года, рабочее движение пыталось перехватить у них инициативу. Пришло время для образования социалистического или, по крайней мере, социал-демократического союза. Основными задачами, стоящими перед социал-демократами, были продолжение кейнсианской политики и проведение социальных реформ, которые обеспечили бы большее равенство среди населения Швеции. Однако огромное внимание в своей программе они уделяли усилению государственного контроля над экономикой. Государство должно было взять на себя больше ответственности за рационализацию бизнеса и ряд комиссий по национализации.

Выборы 1948 года для социал-демократов стали одними из самых драматических в XX веке в Швеции. Благодаря поддержке бизнес-сообщества буржуазия пошла в атаку против введения в стране плановой экономики социал-демократов (*planhushållningsmotståndet*). Противостояние плановой экономике социал-демократов вскоре стало популярным лозунгом кампании. Буржуазия считала, что усиление государственного влияния на экономику Швеции неэффективно. Шведский экономист Ф.А. Хайек утверждал, что это приведет к социализму и развалу демократии.

Социал-демократы проиграли на выборах 1948 года с минимальным отрывом. Но противостояние сторонников и противников плановой экономики не прошло незамеченным. Далеко идущие планы по национализации постепенно сошли на нет. Однако во времена нового министра финансов П.Э. Щёльда (P.E. Sköld) правительство приняло ряд мер для восстановления доверия бизнес-сообщества. Большую роль в этом сыграл так называемый «Клуб четверга», в котором представители правительства и промышленности регулярно встречались для обсуждения экономических вопросов.

Надо отметить, что в среде буржуазии произошли кардинальные изменения. Смени-

лись поколения, ушли многие из тех, кто жил во время жесткого либерализма. Новое поколение нашло более прагматичный подход к государственному вмешательству и сотрудничеству с государством, используя большинство идей из американского менеджмента и социальных наук.

У социал-демократов также произошла смена поколений. Осенью 1946 года умер П.А. Ханссон. Через несколько лет покинули правительство Э. Вигфорш (E. Wigforss) и Г. Мюллер. Таким образом, ушли последние представители поколения, которое с 1910 года было подвержено идеологическому влиянию марксизма.

Преемником П.А. Ханссона стал Т. Эрландер, занимавшийся последние десять лет социальной и образовательной политикой в Государственной канцелярии в Стокгольме. Другой последователь – П.Э. Щёльд также был представителем партии социал-демократов. На данном этапе это было хорошо для социалистического правительства.

Следует сказать, что до 50-х годов XX века шведская экономика росла медленно. Ее рост составлял 5–6 %, а уровень безработицы всё продолжал повышаться. Проблема заключалась в инфляции, низкой заработной плате и трудовом дефиците квалифицированных рабочих в промышленности.

Именно поэтому в 1950-х годах перед социал-демократами стояла задача заставить капиталистическую экономику работать эффективнее. Э. Хобсбоум (E. Hobsbawm) отмечал: «То, что социалистические партии и рабочие движения, которые были так велики в Европе, легко адаптировались к новому, реформированному капитализму, означает, что на практике они не имели своей экономической политики» [2, с. 310–311].

1950-е годы для Швеции – это десятилетие, которое часто характеризуется такими терминами, как «взаимопонимание», «смерть идеологии», «Харпсундская демократия», «консенсус», «блестящие дни шведской модели».

Если рассматривать альтернативный образ этих лет, то на первый план выходят изоляция инакомыслящих, ограничение дебатов, наблюдение за диссидентами и т. д. В то же время социал-демократы пытались вести идеологическую войну против коммунизма через профсоюзы.

В эти годы в международном сообществе сложился миф о Швеции: «срединный путь: шведская модель – образец или устрашающий пример».

В период с 1950 по 1970 годы ВВП Швеции на душу населения рос более чем на 3 % в год, а уровень безработицы был довольно низкий, даже во время экономических спадов – около 2 %. За два десятилетия (за одно поколение) масштабы потребления населения увеличились в 2 раза. Всё это способствовало развитию экономики, которая впоследствии получила название шведской модели.

Шведская модель включала в себя три пункта: 1) хорошо функционирующие трудовые отношения, «Дух Сальтшёбадена» (Saltjöbadsandan); 2) политическая система, в которой все заинтересованные группы играют важную роль, «Харпсундская демократия» (Harpundsdemokrati); 3) государство всеобщего благосостояния, «Дом народа» (Folkhemmet).

Условия, созданные на рынке труда в Швеции, произвели хорошее впечатление на мировое сообщество. Ученые и политики со всего мира приезжали сюда, чтобы изучить страну, в которой забастовки практически исчезли, а лидеры профсоюзной организации (Landsorganisationen) и Шведского объединения работодателей (Svenska Arbetsgivareföreningen) могли вместе отправиться в турне по США, чтобы подчеркнуть, что между ними существует хорошее сотрудничество. В середине 1960-х годов в Швеции было 0,2 % бастующих на 100 тыс. работников против, например, 6,2 % в США и 14 % в Италии [3, с. 49].

Но шведская модель трудового рынка состояла не только из хороших отношений между работодателями и профсоюзами. Основным нововведением в 1950-е годы стала теория Р. Мейднера, который считал, что надо быть осторожным в отношении быстро растущей экономики из-за опасности ее «перегрева» [4, с. 70]. Главная социально-экономическая проблема заключалась в том, чтобы убедить сотрудников не требовать повышения заработной платы тогда, когда экспортная отрасль принесет рекордные прибыли. Одним из главных политических решений, совместно с профсоюзами, стала «солидарная политика» по заработной плате.

Перераспределение прибыли с более производительных экспортных отраслей на менее

прибыльные отрасли хозяйств Швеции сыграло решающую роль и в итоге привело к снижению диспропорций по заработной плате. Однако неизбежным следствием этой политики стало закрытие фирм с низкой рентабельностью. «Солидарная политика» имела и другую сторону. Уволенные с предприятий рабочие вынуждены были переезжать в другие лёны (области) страны в поисках работы. Именно в это время норрландские юмористы стали расшифровывать аббревиатуру AMS (Arbetsmarknadsstyrelsen) не как «управление рынка рабочих», а как «все должны (ехать) на юг».

Рассмотрим понятие «Харпсундская демократия» в шведской модели. «Харпсундская демократия» – это одна из форм классового сотрудничества. Она получила свое название после серии конференций, проведенных премьер-министром Т. Эрландером, который один раз в год приглашал представителей крупного бизнеса, профсоюзов и ряда других заинтересованных организаций для консультаций и обмена информацией по ключевым общественным вопросам. Заседания были по достоинству оценены обществом. Они показали, что между правительством, представителями промышленности, членами различных ассоциаций существует тесное сотрудничество.

Экономический рост и укрепление системы государственных финансов создали условия для расширения политики социального обеспечения, третьего этапа шведской модели. Вера в течение продолжительного времени в возможность роста экономики Швеции наконец воплотилась в жизнь в 1950-х годах.

В 1955 году социал-демократы провели конференцию «Технология и общество завтрашнего дня», учредителем которой по праву считается У. Пальме. Основной темой обсуждения стали взаимосвязи между научным исследованием, технологическим развитием и более высоким материальным и духовным уровнем жизни.

Однако существовал ряд причин, которые препятствовали развитию социального государства («Дома народа»). В 1950 году буржуазные партии, укрепив свои позиции в парламенте, выступили против дальнейшего роста государственного сектора. Следует отметить, что правые на парламентских выборах 1956 года получили на 2,6 % больше, чем социал-демо-

краты, и впервые с 1930 года составили буржуазное большинство в парламенте [5, с. 439].

Борьба шла не только в шведском парламенте. Итоги дискуссии в начале 1950 годов по поводу роли третьих стран в мире подтверждают это. Горстка интеллектуалов левого толка поставила под сомнение официальную точку зрения о войне в Корее. Они считали, что американская политика не была настолько мирной и демократической, как это утверждалось. Под руководством Г. Тингстена началась атака с главных страниц ежедневных газет. Тингстен считал также, что Швеция как страна третьего мира, занимающая свою особую позицию между Востоком и Западом, в конечном итоге может скатиться к коммунизму. Однако вскоре эту тему пришлось закрыть, она стала считаться инакомыслием.

Впоследствии Тингстен и И. Хидениус попытались сформулировать идейную основу шведской модели. По их мнению, шведское общество было «проникнуто поиском консенсуса и убеждено, что рациональное решение социальных проблем возможно и желательно». За основу нужно брать техническую эффективность, утилитаризм и повышение уровня жизни. «Традиции и другой иррациональный подход должны уступить место новому, развивающемуся обществу (и новому человеку)» [6, с. 249]. Даже У. Пальме, который в 50-х и 60-х годах XX века много раз ставил вопрос об «идеологической смерти» Тингстена, соглашался, что в его идеологии наконец-то появился здравый смысл.

По мнению Тингстена, после дискредитации нацизма и фашизма из правых идей осталось неразведанным только «поле культурного радикализма». Это было важно, так как означало идейное наследие правых: религию, королевский дом и национализм.

Осень 1952 года стала для Т. Эрландера временем неудач. На муниципальных выборах того года партия социал-демократов потеряла 2,5 % по сравнению с 1950 годом. В своем дневнике Т. Эрландер описывал этот период очень мрачно. Предвыборная кампания была убогой: «...свинские премии, реформа выборов, черная ржавчина. Отвратительно. Можно ли найти свежие идеи или мы движемся к катастрофе с интеллектуальной точки зрения? Программа партии слаба, нет никакой идеологической дискуссии в социал-демократии».

Немного позднее, после «скучных» дебатов с социал-демократическим студенческим союзом, которому, по мнению Эрландера, не хватало собственных идей и в котором больше «ходили по пятам за либералами в Dagens Nyheter», он возвращается к теме выборов. Эрландер был недоволен своими собственными усилиями. Дебаты на выборах прошли плохо, и «у меня нет никакой программы, которую я хотел бы реализовать, как в политике для населения, так и в области образования». Он рассматривает возможность отставки и продолжает: «Трудность сейчас состоит в том, что интеллектуально никто не справляется. Нужно что-то делать, о чем-то говорить для того, чтобы думать и убеждать» [7, с. 159].

В этот сложный для Эрландера период ему как никогда не хватало идейного соратника, способного вдохнуть новую жизнь в партию социал-демократов. Конечно, в правительственных кругах были люди, с которыми он мог обсудить долгосрочные вопросы, например министр финансов Щёльд. Но этого Эрландеру было мало, он искал интеллектуального соратника.

В правительстве Швеции на всех уровнях до и после Второй мировой войны преобладали чиновники с буржуазными ценностями. Это стало огромной проблемой для социал-демократического правительства. Партии необходимо было набирать своих последователей в министерствах и ведомствах, так как существовал риск, что реформы, которые она хотела провести, будут тормозиться.

Таге Эрландер сплотил вокруг себя соратников. Они вошли в специальную исследовательскую группу, которая была названа «Бандой клязников» (Kvegulansgänget). Состав группы менялся, но в ней всегда оставались П. Экеберг, П. Нюстрём, П. Осбринк, А. Лундберг, Г. Экдаль. Даже экономисты профсоюзных организаций, такие как Й. Рен и Р. Мейднер, являлись участниками группы. У. Пальме также был включен в нее. Предметы обсуждения были разнообразными, но с акцентом на экономику и занятость.

И всё же Эрландер не чувствовал надлежащей поддержки. Канцелярия премьер-министра в начале 1950-х годов была небольшой. Она состояла из секретаря, сторожа и личного секретаря, который писал выступления, корреспонден-

денции и т. д. Эрландер считал своего личного секретаря, унаследованного им от П.А. Ханссона, некомпетентным, но не мог уволить его, так как тот был зятем Ханссона и сыном архиепископа Сёдерблума. Возможность избавиться от секретаря Эрландер получил только тогда, когда тот начал воровать деньги с его личной сберегательной книжки и подделывать подписи [7, с. 19, 133].

Довольно долго Эрландеру не удавалось найти подходящего референта. Р. Эдемман, государственный секретарь по делам религий (ecklesiastikministeriet; после 1967 года – министерство образования), имевший хорошие связи со студенческим союзом, порекомендовал на эту должность Улофа Пальме, молодого политолога, и Бу Йоханссона. Так как Пальме только что отправился в путешествие, Эрландер начал знакомство с Йоханссона.

В жизни Улофа Пальме осень 1953 года стала одним из переломных моментов. После трехмесячного путешествия по Азии 2 сентября он вернулся в Стокгольм. Рапорт об этой поездке содержал около сотни страниц, написанных убористым почерком. 18 сентября Пальме вступил в должность секретаря разведывательного бюро Швеции. В это же время им было получено письмо от премьер-министра Эрландера, который назначил Пальме встречу.

Эрландер впоследствии писал в своем дневнике: «Пальме. Хорошо. Может быть, даже лучше, чем Бу. Но, к сожалению, он уже вовлечен на военную службу». В мае 1954 года Пальме попросил отпуск в штабе обороны и больше уже не возвращался на службу. Эрландер решил эту проблему, и Пальме был приглашен в Харпсунд для продолжения разговора. Эрландер по-прежнему был заинтересован взять Пальме на должность личного секретаря, однако позднее в дневнике он записал: «Пальме вчера произвел не такое хорошее впечатление, как в прошлый раз, когда мы встретились. Очень умный, конечно, но как насчет моральной устойчивости, которая необходима политику?» [8, с. 164].

Некоторое время спустя Пальме устроился работать в канцелярию Эрландера на неполный рабочий день. В своем дневнике Эрландер писал: «Пальме проницательный и станет, безусловно, отличным... Рад, что Пальме показал себя эффективным сотрудником... Пальме был превосходен».

Наконец Эрландер получил такого спичрайтера (референта), которого искал. Он получил сотрудника, знающего несколько иностранных языков, который мог стать неоценимым для международной работы.

Итак, 26-летний Пальме завершил первую фазу своего образования. В студенческие годы он осмысливал такие вопросы современности, как борьба между Востоком и Западом, между коммунизмом и западной демократией, и открыл в себе талант организатора, умение эффективно критиковать своих противников. Не в последнюю очередь Пальме интересовала и международная политика. 1950-е годы станут для него новой «образовательной программой» в сфере политических тайн и рабочего движения.

В 1954 году Эрландер пригласил немецких, английских и датских партийных лидеров, чтобы в рамках Социалистического интернационала обсудить сложный вопрос по Германии. Пальме присутствовал в качестве секретаря и переводчика, и его вклад был «грандиозным». Он был также переводчиком Эрландера, когда Социалистический интернационал собрался в Берлине и когда Эрландер посетил лейбористов в Англии.

Уже в ходе избирательной кампании 1954 года Пальме упоминается как один из тех, кто «был наиболее значим для концептуального планирования кампании» [9, с. 98].

В своем дневнике Эрландер представляет Пальме в самых разнообразных контекстах: на собрании в Харпсунде по высшему образованию «Пальме был абсолютно великолепен»; на конференции, в которой участвовали многие ведущие писатели страны и деятели культуры, «Пальме произнес триумфальную речь, где показал класс»; «Пальме также присутствовал при обсуждении таможенного вопроса, кредитной политики и атомной бомбы» [10, с. 65, 87].

Это была «интеллектуальная любовь». Эрландер прощал Пальме ошибки, которые не прощал другим. Выступление перед парламентской группой часто не завершалось вовремя. «И я этого, по правде говоря, не требовал», – писал Эрландер [9, с. 159]. В партийной работе они вели себя на равных. «Пальме, видимо, имел основания быть недовольным моей утренней речью и выказал желание приехать и сделать замечания», – писал Эрландер в Харпсунде [10, с. 148].

В конце июня 1954 года Пальме и Эрландер вернулись в Харпсунд. К этому времени было подготовлено семь речей для выступления Эрландера. Вместо обычных причитаний по поводу мучений при написании речей в его дневнике можно было прочитать: «День был действительно успешным. В 11 часов Пальме и я оставили большую часть того, что хотели сделать для госпожи Нюстрём; с этих пор я мог в спокойствии размышлять и общаться».

И большего удовольствия невозможно было представить, когда Эрландер после дня продолжительных встреч с упрямыми партийными омбудсменами, сложных межправительственных переговоров с аграриями и неудобных разговоров с муниципальными политиками и профсоюзными деятелями о вынужденной экономии средств мог написать вечером: «А теперь долгий разговор с Пальме о серьезности жизни» [10, с. 215].

Осенью 1954 года Эрландер предпринял длительное путешествие в США. Пальме в этот раз остался в Швеции. Премьер-министр начал с Лос-Анджелеса, где он и М. Валленберг встретились с Д. Дугласом, чтобы вести переговоры по поводу закупок самолетов. Позднее Эрландер написал в своем дневнике: «Жаль, что я не взял Айну и мальчиков сюда. И Пальме тоже» [9, с. 155].

Всего лишь год назад Пальме начал работать с Эрландером, но из вышеизложенного можно сделать вывод, что он стал почти членом семьи Эрландера.

В 1954 году в журнале Социалистической студенческой ассоциации «Либертас» была опубликована статья, в которой Пальме и А. Линдбек, его друг и соратник по штабу обороны, дали характеристику главных направлений внутрипартийной деятельности социал-демократов. «„Верхушка” партии, — писали они, — сделала тотальную „безыдейность” своей политической идеологией». Для многих партийцев социализм не имеет никакого смысла. Но с другой стороны, стремятся ли те немногие «к преобразованию общества в социалистическом направлении»? Многие из них придерживаются своего рода фатализма. «Только правящая социал-демократия, продолжающая свою административную деятельность, приведет в конечном счете к более социалистическому обществу, которое, в свою очередь, будет

тесно связано с технологическим развитием». Проблема этой «веры в судьбу» (фатализма) заключается в том, что она не требует участия населения. «Нет ощущения убежденности в том, что социал-демократическая партия Швеции, согласно этой теории, должна объяснять людям, что есть развитие общества, к которому стремится партия».

Фактически в статье приводятся доводы за отказ от фатализма. Риском считается только перенос позиций экономической мощи на различные формы центральной бюрократии, в то время как народный контроль утрачивает свое значение.

Какие же вопросы должна решать партия, чтобы обойти как безыдейность, так и фатализм? На этот вопрос Пальме и Линдбек отвечают в статье «Политические реформы на распутье», опубликованной весной 1955 года в партийной газете «Тиден» («Tiden»).

Статья представляет собой обсуждение политики благосостояния общества, которая в течение последних нескольких лет проводилась в Швеции. Будет ли социальная политика доступна для всех граждан или она будет в первую очередь нацелена на наиболее нуждающихся?

В статье не затрагивалась важность социальной политики в реформах социал-демократов. По мнению и авторов, «этому предавалось слишком большое значение».

Авторы статьи находят преимущества в социальной политике, которая была в 1930–1940-х годах. В ситуации, когда большинство шведов жили в бедности, защищенность должна была стать хорошей политикой, которая согласовывалась с социалистическими ценностями. «Но теперь ситуация изменилась. Однако налоги по-прежнему высокие», — отмечал Пальме. «Это как „вдова” на знаменитом плакате EWK на Эстермальме, где говорится, что снижение налогов — это наша самая важная социальная реформа. Дагенс Нюхетер и Свенска Дагбладет заручились мнением не только у „вдовы”, но также среди политиков социал-демократов», — писал он. Экономист Линдбек дополнил: «Если вы не хотите, чтобы увеличились инфляционные риски, тогда возросшие государственные расходы должны... компенсироваться налогами». «Однако налоговое бремя в основном связано с общими субсидиями и расходами на оборону и достигло такого уров-

ня, который вызывает озабоченность у многих социал-демократов», — отмечали Пальме и Линдбек в 1955 году, когда налоги в Швеции достигли 25 %. Следует сказать, что в середине 1980-х годов, когда премьер-министром стал Улоф Пальме, налоги были увеличены более чем в 2 раза — до 53 %.

«Многие теперь требуют общих реформ, таких как снижение налогов, дополнительных услуг после выхода на пенсию, сокращения рабочих часов, повышения пособий на детей», — констатировали Пальме и Линдбек. «Но есть и другие неотложные реформы. Некоторые группы меньшинств остались обделенными: инвалиды, частично трудоспособные, хронически и психически больные, а также... одинокие матери, вдовы, молодые студенты, художники, бездомные и многие другие меньшинства в обществе».

Авторы утверждали, что вместо проводимой государством целевой политики реформ, которая помогает «дискриминированным меньшинствам» и делает надлежащие инвестиции в образование и научные исследования, был бы отдан приоритет общим субсидиям и снижению налогов. «Нет нужды в нашей социалистической идеологии, с ее призывом к солидарности по отношению к дискриминированным группам общества, чтобы помочь привести эти запущенные группы к стандарту, прежде чем мы разрешим себе повысить стандарты посредством снижения налогов, сокращения рабочих часов, обслуживания после ухода на пенсию или увеличения общего пособия на детей» [11].

Формулировки, данные У. Пальме и А. Линдбеком с перспективой на несколько лет, поразительны. Не в последнюю очередь интересен аргумент против льготного обслуживания населения после выхода на пенсию (данный пункт вскоре будет обсуждаться в пенсионной реформе — пенсионный коэффициент — *allmän tilläggspension*). Но в тот период, видимо, это было верно. Через несколько лет та политика социального обеспечения, которую защищали Пальме и Линдбек, устареет.

Одним из самых известных и цитируемых высказываний Пальме стала фраза: «Политика — это желание». Но она была произнесена в радикальные 1960-е годы. В 1956 году вместо этого было: политика — «это вопрос выбора между большим количеством, несомненно, желаемых вещей. Кажется, что чем богаче, слож-

нее и неоднороднее становится общество, тем сложнее становится выбор... При полной занятости и перманентных инфляционных рисках каждая реформа ставит общество перед угрозой смещения социально-экономического баланса. Любая реформа, следовательно, требует жертв, а именно воздержания от всего того, что хотелось бы сделать».

Статьи, написанные с Линдбеком, не единственные доказательства того, что Пальме в то время придерживался умеренного крыла. «Когда-то в 1955 году Улоф Пальме начал дискуссию со мной об отношении к бизнес-сообществу», — писал Т. Эрландер в своих мемуарах [12, с. 110]. Пальме написал свои ключевые позиции в короткой докладной записке, которую Эрландер, к сожалению, не нашел. Основная идея Пальме состояла в том, что было необходимо дать бизнесу хорошие возможности для развития, насколько это возможно. Не в меньшей мере это касалось научно-технических исследований, где бизнес и общество имели общий интерес.

Такое восприятие в социал-демократической партии в 1950-х годах не считалось уникальным. Конечно, были более радикальные течения, которые хотели навязать партийную борьбу. Но то, что буржуазные партии заявляли, было также высказано и социал-демократами, которые сочувствовали бизнесу. Министр финансов Шёлльд в своих речах часто возвращался к этому вопросу. Однако существовало мнение группы людей, которые требовали, чтобы партия больше прислушивалась к бизнес-сообществу. К этому направлению и присоединился Пальме.

Эрландер неожиданно подхватил его дружественное настроение по отношению к бизнесу. «Пальме уловил течение времени и показал, как идейное сотрудничество должно переплетаться с нашей позицией по технологическому развитию. Уже много лет ход мыслей, представленный Пальме, привлекает и очаровывает меня, как никогда. Если бы я мог, если бы у меня были силы Шёлльда 10 лет назад! Теперь я поеду в Харпсунд и буду размышлять. Обдумывать», — писал он.

Эрландер везде презентовал «гениальные идеи» Пальме. «Всё очень хорошо прошло на Боммерсви́ке», — отмечал он. Однако «Пальме выглядел обеспокоенным. Он считал, что я упрощал, говорил более грубо и тем самым

всё уничтожил. Но это, наверное, не так уж плохо». Собралась исследовательская группа, чтобы обсудить новую идеологию Пальме [10, с. 78, 184, 197].

Более подробных описаний предложений Пальме Эрландер никогда не давал, но ясно, что идеи Пальме вдохновили его инициировать известную конференцию в кинозале «Риголетто». И Эрландер, и Пальме считали, что вопрос о поддержке промышленного технологического развития страны должен стать центральным.

В середине ноября 1955 года 500 ведущих политиков, инженеров, ученых и глав компаний собрались в зале кинотеатра «Риголетто» в центре Стокгольма, чтобы обсудить темы: «Технология и общество завтрашнего дня», «Атомная энергетика и будущее» и «Автоматизация и рационализация».

Редко случалось так, чтобы конференция была настолько своевременной. Именно техническое развитие могло бы привести общество к светлому будущему. Кроме того, конференция имела последствия и для внутреннего развития партии. Отныне основополагающее научное развитие становится центральной частью идеологической базы партии.

Программа «Политика прогресса», разработанная Пальме перед партийным конгрессом 1956 года, стала продолжением упомянутой конференции, в которой также прослеживалась взаимосвязь между техническим развитием и благополучием страны. В программе содержалось некое послание, которое должно было стать наиболее важным для партии социал-демократов. Технический прогресс не приходит сам по себе, нужна активная поддержка процесса развития со стороны государства. В то же время развитие технологий должно быть принято в качестве предлога для дальнейшего вмешательства государства в этот процесс.

В ретроспективе легко увидеть 1950-е годы как период, когда социал-демократы стремились занять позиции в направлении сильного государства благосостояния. Больших успехов они сумели добиться в разработке в конце 1950-х годов пенсионной реформы (АТР-refofmen), которая стала одной из самых успешных проектов социал-демократической партии Швеции. Но, как отмечали Б. Строт (B. Stråth) и Т. Эрландер, это едва ли была идеологическая политика, характерная для

партии в то время. Назвать того, кто первым предложил использовать в качестве рычага пенсионный вопрос, сейчас вряд ли возможно [13, с. 35]. Однако Пальме был среди тех, кто понимал механизм пенсионной реформы.

Итак, можно констатировать, что социал-демократическая партия в 50-е годы XX века на практике не имела собственной политики. Например, соратник Пальме по партии Р. Полссон (R. Pålssons) говорил: «Мы с надеждой ждали, что после войны социализм окажется единственной и очевидной альтернативой, но через несколько лет после начала холодной войны его программы и лозунги были приостановлены» [14, с. 9].

Критика «плановой экономики» и «скрытой национализации» исходила от народной партии и правых, когда правительство Швеции приняло решение об увеличении налогов и более активном, чем ранее, вмешательстве в инвестиционное управление.

Следует отметить, что с 1951 по 1957 год социал-демократы были в коалиции с аграрным союзом – партией с буржуазными ценностями, главным критерием которой являлась бережливость, а не экономическая экспансия. В тот период буржуазные партии, находившиеся в парламенте, противились росту общественного сектора. Возможность окончания правления социал-демократов видели не только буржуазные партии. «Если бы Олин (Ohlin) и Яльмарсон (Hjalmarson) имели хоть какую-то политическую ловкость и умение рассуждать, они смогли бы взять власть в течение года», – писал Эрландер в своем дневнике после выборов 1956 года [12, с. 149].

Объединение буржуазных партий вызывало обеспокоенность у социал-демократов, так как оно происходило в то время, когда экономика Швеции была на подъеме.

При анализе парламентских выборов 1956 года Пальме и Эрландер отмечали, что партия имела успех среди рабочих. Но этого оказалось недостаточно, «чтобы сохранить доминирующее положение в шведской политике».

Буржуазные партии выявили причины поражения социал-демократов в 1956 году. Социализм и социалистические идеи потеряли свою полезность. Лидер народной партии Б. Олин писал: «Это был последний шанс для „социалистической Швеции“. Стандарты поднимаются, люди становятся „буржуазными“».

Налоги становятся ощутимыми для всех. Возрастает уровень образования. Интерес к социализму стихает».

Молодой социолог и будущий шеф Шведского института исследования общественного мнения (Svenska institutet för opinionsundersökningar) Х. Цеттерберг (H. Zetterberg) подкрепил это высказывание жесткими научными фактами: «Чиновники, которые приходят из рабочего класса, голосуют за социал-демократов, если они живут примерно как прежде; но если они живут как средний класс и накопили денег на автомобиль или яхту, то они голосуют за буржуазию».

Надо отметить, что вопрос о роли государства был одним из самых обсуждаемых в 1950-е годы. По мнению социал-демократов, усиление государства неизбежно приведет к социализму и распаду демократии. Они никогда не говорили серьезно о послевоенной национализации и систематически проводили либерализацию экономики и рынка. Тем не менее бизнес-сообщество и оппозиция не были удовлетворены действиями социал-демократов, они считали, что дерегулирование идет слиш-

ком медленно, и обвиняли правительство в попытке тайной национализации [15].

Отправной точкой для социал-демократов в 1950-е годы стала политика заработной платы, способствующая экономической эффективности промышленного производства. Другая часть этой модели — налоговая политика. Профсоюзное движение приняло высокие налоги относительно спокойно, считая их эффективным способом борьбы с инфляцией. Между тем высокие налоговые поступления означали возможность проведения социальных реформ. Для шведской системы социального страхования были выбраны государственное финансирование, управление и распределение. В 1955 году была проведена комплексная реформа медицинского страхования. В 1959 году изменения коснулись также пенсионной системы. Пенсионная реформа дала государству еще один важный инструмент управления — пенсионные фонды стали играть важную роль для государственных инвестиций в течение следующего десятилетия. Шведская модель государства всеобщего благосостояния доказала свою эффективность в управлении экономикой страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Schön L. En modern svensk ekonomisk historia. Stockholm: SNS, 2000.
2. Hobsbawm E. Ytterligheternas tidseålder. Stockholm: Raben/Prisma, 1997.
3. Thörnqvist C. Arbetarna lämnar fabriken: strejkrörelser i Sverige under efterkrigstiden, deras bakgrund, förlopp och följder / Avhandlingar från Historiska institutionen i Göteborg. Göteborg, 1994.
4. Ekdahl L. Mot en tredje väg. Lund: Arkiv förlag : A-Z förlag, 2005.
5. Uddhammar E. Partierna och den stora staten: en analys av statsteorier och svensk politik under 1900-talet. Stockholm: City Univ. Press, 1993.
6. Sigurdson O. Den lyckliga filosofin: etik och politik hos Hägerström. Tingsten, makarna Myrdal och Hedenius, B. Östlings bokförl. Symposium, Eslöv, 2000.
7. Erlander T. Dagböcker 1952. Hedemora: Gidlunds förlag, 2002.
8. Erlander T. Dagböcker 1952. Hedemora: Gidlunds förlag, 2003.
9. Erlander T. Dagböcker 1954. Hedemora: Gidlunds förlag, 2004.
10. Erlander T. Dagböcker 1955. Hedemora: Gidlunds förlag, 2005.
11. Assar Lindbäck och Olof Palme. Reformpolitik vid skiljevägen // Tiden. URL: <http://www.olofpalme.org/wp-content/dokument/tiden-1955-3-reformpolitik-vid-skiljevagen.pdf> (дата обращения: 13.02.2015).
12. Erlander T. Tage Erlander 1949–1954. Stockholm: Utgiven av Tidens förlag, 1974.
13. Stråth B. Mellan två fonder: LO och den svenska modellen. Stockholm: Atlas, 1998.
14. Pålsson R. Inför 60-talet: debattbok om socialismens framtid. Stockholm: Raben & Sjögren, 1959.
15. Nationalencyklopedin. “Avreglering”. URL: <http://www.ne.se/artikel/121421> (дата обращения: 15.02.2015).

ГУЛЯКИН Святослав Сергеевич — аспирант Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: fortunat.kermak@rambler.ru

S.S. Gulyakin

POLITICS OF SWEDEN IN THE 1950S

The article presents the characteristics of the social and political reforms in Sweden in the 1950s. This article analyzes the “Nordic model” in Sweden from the point of functioning of labor relations (Saltsjöbadsandan), political system where all relevant groups play an important role (Harpundsdemokrati), and the welfare state (Folkhemmet). Special attention is paid to the activities of the outstanding politician Swedish Prime Minister Tage Erlander. The author issues activities of the personal secretary Olof Palme.

“NORDIC MODEL”; SOCIAL DEMOCRATIC PARTY; BOURGEOISIE; PLANNED ECONOMY; PARLIAMENTARY ELECTIONS; REFORMS; TAGE ERLANDER; OLOF PALME.

REFERENCES

1. Schön L. En modern svensk ekonomisk historia. Stockholm, SNS, 2000.
2. Hobsbawm E. Ytterligheternas tidseålder. Stockholm, Raben/Prisma, 1997.
3. Thörnqvist C. Arbetarna lämnar fabriken: strejkrörelser i Sverige under efterkrigstiden, deras bakgrund, förlopp och följder. Avhandlingar från Historiska institutionen i Göteborg. Göteborg, 1994.
4. Ekdahl L. Mot en tredje väg. Lund, Arkiv förlag/A-Z förlag, 2005.
5. Uddhammar E. Partierna och den stora staten: en analys av statsteorier och svensk politik under 1900-talet. Stockholm, City Univ. Press, 1993.
6. Sigurdson O. Den lyckliga filosofin: etik och politik hos Hägerström. Tingsten, makarna Myrdal och Hedenius, B. Östlings bokförl. Symposion, Eslöv, 2000.
7. Erlander T. Dagböcker 1952. Hedemora, Gidlunds förlag, 2002.
8. Erlander T. Dagböcker 1952. Hedemora, Gidlunds förlag, 2003.
9. Erlander T. Dagböcker 1954. Hedemora, Gidlunds förlag, 2004.
10. Erlander T. Dagböcker 1955. Hedemora, Gidlunds förlag, 2005.
11. Assar Lindbäck och Olof Palme. Reformpolitik vid skiljevägen. *Tiden*. Available at: <http://www.olofpalme.org/wp-content/dokument/tiden-1955-3-reformpolitik-vid-skiljevagen.pdf> (accessed 13.02.2015).
12. Erlander T. Tage Erlander 1949–1954. Stockholm, Utgiven av Tidens förlag, 1974.
13. Stråth B. Mellan två fonder: LO och den svenska modellen. Stockholm, Atlas, 1998.
14. Pålsson R. Inför 60-talet: debattbok om socialismens framtid. Stockholm, Raben & Sjögren, 1959.
15. Nationalencyklopedin. “Avreglering”. Available at: <http://www.ne.se/artikel/121421> (accessed 15.02.2015).

GULYAKIN Svyatoslav S. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: fortunat.kermak@rambler.ru